

Пыль на тренировочной площадке слегка нагрелась под лучами солнца.

Обанай сжимал в обеих руках деревянный меч, и его руки уже начали дрожать. Он не знал, какой это по счёту взмах, — ему было известно лишь то, что Сэнэру стояла напротив, а её голос, отсчитывающий удары, не умолкал ни на секунду.

— Четыреста двадцать один, четыреста двадцать два...

Её голос звучал ровно, без каких-либо эмоций, она просто вела счёт. И чем сильнее она сохраняла невозмутимость, тем больше Обанай боялся остановиться.

Пот катился по щекам, затекая в глаза и вызывая жгучую боль. Он не смел вытереть его, а лишь отчаянно моргал, продолжая махать мечом.

Кабурамару свернулся кольцами на камне неподалёку, покачивая раздвоенным языком, словно подбадривая его.

— Четыреста девяносто восемь, четыреста девяносто девять, пятьсот.

Сэнэру наконец остановилась.

Обанай уперся руками в колени, тяжело и прерывисто дыша. Деревянный меч чуть не выпал из ослабевших пальцев, но он вцепился в него мёртвой хваткой до побелевших костяшек.

— Отдыхай четверть часа, — произнесла Сэнэру.

Обанай кивнул, рухнул прямо на землю и больше не мог пошевелить ни единым суставом.

Сэнэру подошла к нему, присела на корточки и протянула флягу с водой. Обанай взял её и сделал несколько жадных глотков. Вода потекла по подбородку, но он даже не пытался её вытереть.

— В первый день у всех так, — сказала Сэнэру. — Через пару дней станет легче.

Тяжело дыша, Обанай спросил:

— Ты... ты в моем возрасте тоже так тренировалась?

Сэнэру задумалась:

— Я так не тренировалась.

Обанай опешил.

— Я тренировала дыхание, — пояснила Сэнэру. — Базовые навыки владения мечом у меня уже были. Сама не знаю почему, но мне казалось, что я умела это с самого рождения.

Обанай опустил голову. Он не умел ничего.

Словно прочитав его мысли, Сэнэру протянула руку и похлопала его по плечу:

— У каждого есть то, к чему у него лежит душа. Я от рождения владею мечом, но это не значит, что мне подвластно всё остальное. У тебя свой собственный путь.

Обанай поднял на неё взгляд.

Выражение её лица было совершенно серьёзным — она не утешала его, а лишь констатировала факт.

Время отдыха пролетело быстро, и тренировка возобновилась.

Во второй половине дня отрабатывали работу ног. Сэнэру нарисовала на земле несколько кругов и велела Обаная перемещаться между ними так, чтобы каждый шаг приходился строго в центр. С виду всё казалось простым, но на деле выполнялось с огромным трудом: стоило хоть немного потерять концентрацию, как нога соскальзывала мимо.

Обанай тренировался, спотыкаясь и падая на каждом шагу. Колени жутко ныли от ушибов, но он не издавал ни звука, молча поднимался и продолжал снова.

Сэнэру наблюдала со стороны, изредка делая короткие замечания:

— Шаги легче.

— Центр тяжести ниже.

— Не смотри под ноги, смотри вперед.

Обанай старался выполнять указания, и постепенно у него стало появляться смутное ощущение правильности движений. Хотя промахи всё ещё случались, падать он стал реже.

Солнце постепенно клонилось к закату, и тренировка наконец подошла к концу.

Обанай без сил опустился на деревянный настил галереи, не желая шевелить ни рукой, ни ногой. Кабурамару подполз ближе, ткнулся носом в его ладонь, и мальчик мягко погладил змейку по голове.

Сэнэру присела рядом и протянула ему полотенце.

— Сотри пот.

Обанай взял полотенце и кое-как провёл им по лицу.

— Приходи после ужина, — вставая, произнесла Сэнэру. — Будем мазать раны.

Обанай замер и опустил взгляд на свои руки. На ладонях натёрло немало водяных пузырей, некоторые уже лопнули, обнажая нежно-розовую плоть. Колени тоже пестрели синяками и ссадинами.

Ему хотелось отказаться, но Сэнэру уже ушла.

В тот вечер Обанай нехотя приплёлся к дверям комнаты Сэнэру. Дверь была приоткрыта, изнутри струился мягкий жёлтый свет.

Он постучал.

— Войди.

Обанай толкнул дверь и увидел, что Сэнэру сидит на татами, а перед ней стоит небольшой деревянный ящичок, наполненный всевозможными баночками и склянками.

— Садись, — она указала на место перед собой.

Обанай послушно опустился на пол и протянул руки.

Сэнэру взяла маленькую баночку, открыла крышку, и по комнате разнёсся слабый лекарственный аромат. Набрав на подушечку пальца немного мази, она бережно распределила её по ранам Обаная.

Мазь приятно холодила кожу, принося облегчение. Однако всё внимание Обаная было приковано к рукам Сэнэру.

Её ладони были совсем маленькими, но двигались невероятно нежно, словно она боялась причинить ему боль.

— Больно? — спросила Сэнэру.

Обанай покачал головой.

Ничего не говоря, Сэнэру продолжила смазывать раны. Закончив с руками, она кивнула на его колени:

— Закатай штанины.

Обанай смутился, но всё же повиновался.

Ушибы на коленях выглядели куда хуже, чем на руках: обширные багрово-синие пятна дополнял содранный до крови участок кожи. Сэнэру тщательно нанесла мазь и аккуратно забинтовала ногу чистой марлей.

— Завтра продолжим тренировки, — сказала она. — Каждой вечер приходи сюда.

Обанай кивнул.

С того дня вечернее лечение мазью вошло в привычку. Как бы сильно он ни уставал и как бы поздно ни заканчивался день, Обанай неизменно отправлялся в комнату Сэнэру, чтобы она обработала полученные за день травмы. Сэнэру никогда не жаловалась и не ленилась: она всегда скрупулезно смазывала каждую царапину, а затем слегка прижимала её своими маленькими ладонями, словно приговаривая: «Всё хорошо, всё прошло».

Иногда Обанай думал о том, как могут такие маленькие руки Сэнэру дарить ему столь глубокое чувство покоя.

Дни сменяли друг друга, и нагрузка на тренировках постепенно возрастала. Количество взмахов мечом увеличилось с пятисот до восьмисот, а работа ног превратилась из перемещений на месте в стремительные челночные рывки. Обанай каждый день валился с ног от усталости, но на следующее утро неизменно вовремя появлялся на тренировочной площадке.

Сэнэру никогда не хвалила его, но и не ругала. Она просто сопровождала его во время занятий, поправляла ошибки, когда он делал что-то не так, и протягивала воду, когда он падал отнеможения. Само её присутствие служило молчаливым стимулом.

Спустя полмесяца Сэнэру объявила:

— С завтрашнего дня я начну обучать тебя дыханию.

Обанай поднял голову, и его глаза вспыхнули.

Дыхание. Он прекрасно понимал, что значит это слово.

— Я смогу научиться? — спросил он.

Сэнэру бросила на него взгляд:

— Не знаю. Но можно попробовать.

В тот вечер Обанай лежал на футоне, ворочаясь с боку на бок и не в силах уснуть. Кабурамару свернулся у его изголовья, молча составляя ему компанию.

Он вспомнил слова Сэнэру: «У тебя свой собственный путь».

Каким же будет его собственный путь?

На следующее утро начались тренировки дыхания.

Сэнэру обучала его основам тотальной концентрации дыхания: как сделать вдох более глубоким, ровным и продолжительным, как насытить кислородом всё тело и как удерживать ритм дыхания при высоких физических нагрузках.

Обанай пытался повторять за ней, но никак не мог уловить суть. Он то задерживал воздух слишком надолго, то начинал дышать слишком часто и поверхностно. Прозанимавшись всю первую половину дня, он заработал лишь головокружение и головную боль, не добившись ни малейшего прогресса.

— Не спеши, — произнесла Сэнэру. — Я тоже осваивала это очень долго.

Обанай кивнул и продолжил тренировку.

После нескольких дней упорных занятий у него начало появляться смутное понимание. Пусть он пока не мог удерживать концентрацию постоянно, но по крайней мере научился выдерживать небольшие промежутки времени.

В тот же день после полудня Сэнэру отвела его на арену и велела попытаться сохранить тотальную концентрацию дыхания во время работы с мечом.

Обанай сжал рукоять деревянного меча, глубоко вдохнул и начал наносить удары.

Один удар, второй, третий...

Дыхание постепенно сбивалось. Он изо всех сил пытался выровнять его, но чем больше старался, тем сильнее путался ритм, пока наконец не был вынужден остановиться, чтобы перевести дух.

— Отдохни немного, — сказала Сэнэру.

Обанай почувствовал разочарование, опустил голову и молчал.

Сэнэру подошла к нему, присела на корточки, сравнившись с ним взглядом:

— Обанай.

Мальчик поднял глаза.

— Ты знаешь, почему я являюсь Столбом?

Обанай призадумался:

— Потому что ты очень сильная?

— Потому что я убила низшую луну, — ответила Сэнэру. — Но когда я сразила того демона, Дыхание Света было освоено мной всего лишь месяц назад. Я владела им далеко не в совершенстве, но всё же убила его.

Она сделала небольшую паузу и добавила уже совсем серьезно:

— Техника дыхания — это инструмент, а не цель. Твоя цель — убивать демонов, защищать людей и становиться сильнее. Дыхание лишь помогает тебе добиться этого. Ничего страшного, если что-то не получается сразу. Практикуйся понемногу. Рано или поздно ты овладеешь этим в совершенстве.

Обанай смотрел на неё, и разочарование в его глазах постепенно таяло.

— Продолжим тренировку? — спросила Сэнэру.

Обанай кивнул, поднялся на ноги и заново крепко сжал рукоять меча.

В мгновение ока пролетел ещё один месяц.

Изменения в Обанае стали очевидны. Его прежде тщедушное тело заметно окрепло, а на щеках появился здоровый румянец. Движения с мечом утратили прежнюю неуклюжесть, а шаги стали гораздо увереннее. Самое главное — изменился его взгляд: в нём больше не читалось пугливой настороженности и готовности в любую секунду уклониться от удара, напротив, появилась твёрдая решимость.

Хотя тотальную концентрацию дыхания всё ещё не удавалось удерживать долго, он уже мог поддерживать её в течение четверти часа непрерывных ударов. Сэнэру отметила, что такой прогресс происходил очень быстро, намного быстрее, чем у большинства других.

Услышав это, Обанай ничего не ответил, но тренироваться стал с ещё большим усердием.

Однако вскоре возникла новая проблема.

Сэнэру начала обучать его базовому ката Дыхания Света — Первому стилю: Озаряющий просвет, представлявшему собой простейший колющий удар. Обанай повторял его бесчисленное количество раз: техника движений была безупречной, дыхание выстроено правильно, но стоило ему нанести этот удар, как чего-то неизменно не хватало.

Не было света.

Обанай никак не мог поймать то ощущение, которое исходило от самой Сэнэру.

Он пробовал бесчисленное число раз, тренировался до изнеможения, но острое его меча упорно оставалось тусклым и безликим.

В тот вечер на закате Обанай сидел на галерее, отрешенно глядя на собственные руки. Кабурамару мирно лежал рядом, составляя ему молчаливую компанию.

Сэнэру вышла из дома и присела рядом с ним.

— Как успехи? — спросила она.

Обанай покачал головой и промолчал.

Посмотрев некоторое время на его угрюмое лицо, она неожиданно задала вопрос:

— Ты знаешь, как появилось Дыхание Света?

Обанай поднял голову.

— Я создала его сама, — произнесла Сэнэру. — Меня никто не учил. Мне просто казалось, что всё должно быть именно так. Каждый стиль Дыхания Света я подбирала и выстраивала по крупницам, пробуя снова и снова.

Она повернулась к нему:

— Тебе не нужно учиться Дыханию Света. Тебе нужно найти своё собственное дыхание.

Обанай замер.

— У каждого бойца своя техника дыхания, — продолжила Сэнэру. — Вода, Пламя, Гром, Ветер, Камень... Каждое дыхание было создано предшественниками на основе их собственных особенностей. Дыхание Света принадлежит мне, и оно вовсе не обязательно подойдёт тебе.

Она поднялась на ноги и посмотрела на него сверху вниз:

— Тебе не нужно подражать мне. Тебе нужно отыскать свой собственный путь.

Сказав это, она развернулась и ушла обратно в дом, оставив Обаная в одиночестве сидеть на галерее.

Лунный свет падал на землю, окутывая его серебристым сиянием.

Его собственный путь.

Что это такое?

С того дня подход Обаная к тренировкам изменился.

Сэнэру больше не учила его ката Дыхания Света, предоставив ему возможность искать ответы самостоятельно. Она лишь наставляла его в основах: как правильно направлять силу, как перемещаться, как ощущать присутствие противника. Всё остальное он должен был постигать методом проб и ошибок.

Долгое время Обанай чувствовал себя совершенно потерянным. Он не знал, в каком направлении двигаться и что вообще означает это загадочное «своё собственное русло». Ему оставалось лишь раз за разом взмахивать мечом, раз за разом испытывать различные способы приложения силы и новые углы атак.

Кабурамару неотступно следовал за ним повсюду.

Однажды Обанай тренировался на арене до глубокой ночи. Небо совсем потемнело, и лишь бледный лунный свет освещал площадку. Размахивая мечом, он вдруг отчётливо что-то почувствовал — не свет, а нечто совершенно иное.

Словно змея.

Бесшумная, затаившаяся в темноте и терпеливо ожидающая подходящего момента.

Он попытался вплести это ощущение в движение своего клинка. Угол атаки изменился: вместо прямолинейного колющего удара получилась изогнутая, изворотливая дуга.

Изменилась и работа ног: теперь это были не открытые прямые шаги, а почти бесшумное скольжение вплотную к земле.

При рассечении воздуха раздался едва уловимый, еле слышный свист.

Он остановился и застыл, растерянно глядя на деревянный меч в своей руке.

Сэнэру неизвестно откуда появилась у края площадки. Подойдя ближе, она заглянула ему в глаза и тихо произнесла:

— Попробуй ещё раз.

Обанай глубоко вздохнул, закрыл глаза и мысленно воссоздал только что испытанное чувство.

Распахнув веки, он снова нанёс удар.

Этот взмах вышел намного более плавным и естественным, чем предыдущий. Траектория клинка, рассекавшего воздух, напоминала змеиный хребет — изгибистый и смертоносный.

Сэнэру кивнула:

— Именно так.

Обанай ошеломлённо смотрел на собственные руки, не веря происходящему.

— Змея, — произнесла Сэнэру. — Твоим дыханием должно стать Дыхание Змеи.

Обанай поднял голову, и в его глазах вспыхнул свет.

В тот момент он впервые увидел проблеск «возможностей» в самом себе.

В последующие дни Обанай приступил к подлинному «созиданию».

Он вплетал образ змеи в каждый свой взмах мечом — не просто подражая ей, а буквально сливаясь с ней воедино. Он наблюдал за каждым движением Кабурамару, прочувствуя, как та перемещается, как затаивается в укрытии и как нападает. Он впечатывал эти ощущения в память своего тела, превращая их в безупречный инстинкт.

Сэнэру изредка навещала его, но никогда не вмешивалась. Она просто садилась неподалёку, молча наблюдая за процессом и изредка одобряюще кивая.

Месяц спустя Обанай освоил свой первый стиль.

Он назвал его Первым стилем: Извивающийся укус бросающейся змеи.

Сэнэру долго молча изучая то, как он продемонстрировал эту технику.

Обанай слегка занервничал, опасаясь, что она сочтёт его приём слишком слабым.

Наконец Сэнэру нарушила молчание:

— Сильнее, чем я в те годы.

Обанай опешил.

Сэнэру редко позволяла себе едва заметную улыбку в уголках губ:

— Я говорю совершенно серьёзно.

Обанай опустил голову, крепче сжав в руке деревянный меч. Кабурамару высунулся из-за его плеча и потёрся о его щеку.

Ему вдруг захотелось заплакать. Не от горя или обиды, а от осознания того, что он наконец обрёл свой собственный, предназначенный лишь ему путь.

Время продолжало идти своим чередом.

Дыхание Змеи постепенно обретало законченную форму. Каждое новое ката, каждый маленький шаг вперёд неизменно сопровождался бесчисленными падениями и возвращением к началу.

Сэнэру неизменно находилась рядом. Она не поучала, не подгоняла, а просто была рядом.

Каждый вечер процедура нанесения мази оставалась незыблемым ритуалом.

Раны Обаная множились и становились всё серьезнее. То он растягивал связки, то сдирал кожу, то получал мышечные надрывы. Сэнэру перепробовала самые разные мази, но никогда не произносила фразу: «Давай сегодня отдохнем».

Единственным изменением было то, что во время лечения её движения становились ещё более бережными и мягкими.

В тот вечер Обанай сидел перед Сэнэру, позволяя ей обрабатывать синяк на плече. Эту травму он заработал, когда отрабатывал приём Гнездовый узел, и теперь всё плечо покрывали багровые следы.

Накладывая мазь, Сэнэру внезапно произнесла:

— Ты тренируешься слишком изнурительно.

Обанай замер.

— Я знаю, что ты хочешь стать сильнее, — продолжила Сэнэру. — Но если ты разрушишь свое тело, то уже не сможешь тренироваться вообще.

Обанай опустил голову и промолчал.

Закончив с мазью, Сэнэру легко коснулась пальцами его плеча:

— Завтра отдохни половину дня.

— Не нужно...

— Послушай меня.

Обанай поднял голову и встретился взглядом с Сэнэру. В её глазах не было места для споров — читалась лишь непреклонная решимость.

Он кивнул.

— Хороший мальчик.

В ту ночь он долго лежал на футоне, предаваясь размышлениям.

Сэнэру была так добра к нему — как он мог отплатить ей за всё это?

Единственным ответом было стать сильнее. Стать невероятно, несокрушимо сильным — настолько, чтобы суметь защитить её.

Этого будет вполне достаточно.

<http://bllate.org/book/22382/2348112>